

УДК 159.923+159.97

Т. С. Козырева

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ
ОСОБЫХ УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В отечественной и западной психологии личности вопросы, связанные с процессами формирования и развития идентичности являются особо актуальными, образующими проблемное поле современных исследований (Л. А. Шайгерова, 2002; Н. В. Анненкова, 2004; О. В. Ходаковская, 2006; Е. Ю. Терешенкова, 2005; И. Ю. Вороцкая, 2005; Т. В. Мищенко, 2005 и др.). Многообразие тем и содержательных аспектов в исследовании феномена обогащают психологическую теорию идентичности, привнося в нее

большое количество эмпирических данных. Вместе с тем, представленные в отечественной науке исследования, мало нацелены на выявление психологической динамики идентичности личности под влиянием различных социальных факторов.

В традиционной Эго-психологии идентичность рассматривается как самоидентичность и непрерывность личности во времени, которая определяет как возможности адаптации субъекта к внешним условиям, так и его внутреннюю целостность, непротиворечивость. Процесс развития идентичности в Эго-психологии рассматривается как интеграция и дифференциация ее структурных элементов. Биологические или социальные изменения определяют интегрирующую работу Эго в направлении переструктурирования элементов идентичности, результатом которого является новая конфигурация, отвечающая задачам психосоциального развития на данной возрастной стадии. При неблагоприятных обстоятельствах процесс развития идентичности может остановиться или вернуться к ранним, примитивным ее формам (Э. Эриксон, 1968).

Основываясь на базовых положениях Эго-психологии, выдвинуто предположение о том, что в процессе онтогенетического развития личность может сталкиваться с особыми условиями жизнедеятельности, которые изменяют содержание компонентов идентичности и приводят к их дисгормоничному функционированию. В качестве особых условий рассматриваются особенности профессиональной деятельности и экстремальные факторы внешней среды. Данные условия относятся к профессиональной деятельности в учреждениях пенитенциарной системы.

Служба в исправительно-трудовых учреждениях связана с элементами риска, стресса, непредсказуемости, а также условиями жесткого психологического давления. В отечественных исследованиях отмечается, что профессиональная деятельность в подобных условиях приводит к формированию специфического склада личности, профессиональной деформации ценностно-смысловой, личностной, когнитивной и поведенческой составляющей Образа-Я профессионала (В. И. Белослудцев, 1996; Е. С. Ильина, 2002; И. В. Климова, 2005; А. А. Шаров, 2005).

Особые условия труда в профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы также связаны с воздействием экстремальных факторов, интенсивность которых особенно выражена в период служебных командировок для поддержания законности и правопорядка в местах ведения вооруженных локальных конфликтов. Экстремальные воздействия внешней среды в ряде случаев приводят к развитию посттравматических стрессовых состояний личности.

В отечественных и зарубежных исследованиях посттравматические стрессовые состояния являются объектом пристального изучения (Х. Б. Ахмедова, 2004; А. В. Пищелко, 1998; М. М. Решетников, 2006 и др.). Однако в отечественной литературе недостаточно полно освещены вопросы, связанные с динамическим аспектом развития личности, пережив-

шей экстремальное психотравмирующее воздействие, на отдаленных этапах реадaptации.

Основываясь на представленных теоретических положениях, разработана программа исследования, направленная на подтверждение следующей гипотезы. Идентичность личности сотрудников пенитенциарной системы имеет конфликтный характер, что проявляется в особенностях ценностно-смыслового, личностного и поведенческого компонента в общей структуре идентичности. Выполнение профессиональных функций, связанных с деятельностью в экстремальных условиях, выступает в качестве детерминанты развития посттравматических стрессовых состояний, и определяет формирование травмированной идентичности. Особенности переживания психотравмы лежат в основе дальнейшего развития кризисной идентичности личности сотрудников ИТУ, которая отличается выраженной дисгармоничностью, отсутствием согласованности между компонентами, а также нарушением интегративной функции идентичности. Необходимо отметить, что кризисная идентичность не рассматривается как синоним к определению кризиса идентичности Э. Эриксона. Кризис идентичности описывается как нормативный период, решающий задачи психогенетического развития. Формирование кризисной идентичности связано с неуспешными попытками личности встроить экстремальный опыт в структуру идентичности, под влиянием которого происходят содержательные изменения в компонентах идентичности, нарушающие процессы адаптации и вызывающие интенсивный психический дискомфорт.

Для экспериментальной проверки данной гипотезы использовались тестовые методы, анкетирование и метод полуструктурированного интервью.

В исследовании разработаны диагностические критерии для определения каждого вида идентичности. Так, конфликтная идентичность диагностируется через наличие противоречий между: (1) значимыми терминальными ценностями и значимыми жизненными сферами (Морфологический тест жизненных ценностей, тест «Личностная и социальная идентичность»); (2) восприятием различных отрезков жизненного пути – прошлого, настоящего и будущего (Тест смысловых ориентаций); (3) значимыми временными отрезками и возможностью их рефлексии (тест Карпова «Рефлексия»); (4) личностными качествами сотрудников и их терминальными ценностями (тест Леонгарда-Шмишека, тест Басса-Дарки, Шкала базовых утверждений); (5) наличием эмоциональных проблем и возможностью их решения (опросник Карвера «Копинг-стратегии»; методика «Эмоциональное выгорание» Бойко); (6) терминальными ценностями и возможностями их реализации в конкретной жизненной ситуации (методика «Социальная адаптация» Роджерса-Даймонда). Кроме того, учитывалось наличие вербализованных клиентом психологических проблем (техника полуструктурированного интервью), низкие способности к их осознанию (тест «Личностная и социальная идентичность»), а также тенденции к возникновению межлич-

ностных конфликтов (опросник Басса-Дарки, Шкала базовых утверждений, опросник Карвера «Копинг-стратегии»).

Травмированная идентичность является результатом воздействия экстремального опыта и диагностируется через критерии определения постстрессовых состояний (Опросник травматического стресса, Личностный профиль кризиса).

Кризисная идентичность формируется на протяжении периода хронизации посттравматических стрессовых состояний и диагностируется через искаженную систему базовых установок, эмоционально-нравственную дезориентацию, психосоматические и адаптационные проблемы. Диагностика проводилась с помощью методик, диагностирующих конфликтную и травмированную идентичность.

Описанная батарея тестов использовалась при обследовании выборки из 129 человек из числа охранников, контролеров за исполнением наказания и воспитателей. Респонденты являлись сотрудниками уголовно-исполнительных учреждений Новосибирска и Новосибирской области, включенные в сборные отряды для выполнения служебных задач на территории Чеченской республики. Эксперимент проводился на базе Центра психологической диагностики Федерального Государственного Учреждения Военно-врачебная Комиссия Главного Управления Федеральной Службы исполнения наказания России по Новосибирской области (ФГУ ВВК ГУФСИН) в 2002–2007 г.

Экспериментальное исследование было направлено на описание структурных компонентов идентичности и выявление динамики их развития под воздействием экстремальных факторов внешней среды.

На первом этапе психодиагностического исследования с помощью факторного анализа выявлены особенности структурных компонентов идентичности личности сотрудников исправительных учреждений, формируемые под воздействием особых условий профессиональной деятельности. В табл. 1 представлено описание содержательных компонентов идентичности до воздействия боевой психотравмы.

По результатам первого этапа экспериментального исследования выявлено, что идентичность сотрудников, работающих в пенитенциарной системе, является конфликтной. Это проявляется в отсутствии высших ценностей развития, духовного удовлетворения, ориентации на собственный внутренний мир и его совершенствование. Также нарушено восприятие этапности жизни – настоящее не включено во временной континуум личности, отсутствует рефлексия настоящего и будущего. Профессиональная среда существенно влияет на поведенческие паттерны сотрудников – значимыми стратегиями в решении жизненных проблем являются физическая и вербальная агрессия, подозрительность и раздражимость в отношении окружающих.

Взаимосвязь структурных компонентов идентичности личности до воздействия экстремальных факторов

Название фактора, факторная нагрузка	Содержание фактора
Фактор 1. Ядерные структуры Я-идентичности (18,4%)	МТЖЦ: 1) собственный престиж (0,7); 2) высокое материальное положение (0,63); 3) сохранение собственной индивидуальности (0,63); СЖО: 4) цели в жизни (0,58); 5) удовлетворенность самореализацией (0,63). Тест Карпова «Рефлексия»: 6) общая рефлексия (0,58); 7) рефлексия прошлого (0,48). Шкала базовых утверждений: 8) доброта окружающего мира (-0,45); 9) справедливость мира (0,48); 10) доброжелательность окружающего мира (-0,5).
Фактор 2. Ядерные структуры личностной идентичности (16,2%)	СЖО: 1) локус контроля «Я» (0,48); 2) локус контроля «Жизнь» (0,5). Адаптация Роджерса-Даймонда: 3) интернальность (0,45). Шкала базовых утверждений: 4) контролируемость мира (0,48); 5) уровень самоконтроля (0,52); 6) ценность собственного Я (0,63). Акцентуации Леонгарда-Шмишека: 7) педантичная акцентуация (0,45); 8) тревожная акцентуация (0,48). Самооценка: 9) выше среднего (0,45).
Фактор 3. Ядерные структуры социальной идентичности (15,6%)	Адаптация Роджерса-Даймонда: 1) принятие других (0,5). МТЖЦ: 2) профессиональная сфера (0,68); 3) семейная жизнь (0,48); 4) активные социальные контакты (0,45). Личностная и социальная идентичность: 5) служба (0,58); 6) семья (0,5).
Фактор 4. Околядерный поведенческий компонент (10,2%)	МТЖЦ: 1) достижение (0,5). Копинг-стратегии: 2) активный копинг (0,47); 3) поведенческое отстранение (-0,5); 4) использование алкоголя (-0,5). Адаптация Роджерса-Даймонда: 5) адаптация (0,68); 6) стремление к доминированию (0,7). Агрессия Бассса-Дарки: 7) физическая агрессия (0,58); 8) раздражение (0,45); 9) подозрительность (0,63); 10) вербальная агрессия (0,58).
Фактор 5. Околядерный эмоциональный компонент (8,2%)	Копинг-стратегии: 1) фокусирование на эмоциях (0,48). Адаптация Роджерса-Даймонда: 2) эмоциональная комфортность (0,48). Методика эмоционального выгорания Бойко: 3) неадекватное эмоциональное реагирование (-0,48); 4) эмоциональная отстраненность (-0,48).

Развитие конфликтной идентичности определяется специфическими условиями профессиональной деятельности в исправительно-трудовых учреждениях. Особенности конфликтной идентичности связаны с незначимостью высших ценностей, нарушенной интеграцией жизненного пути, противоречивостью базовых смыслообразующих установок, низкой рефлексией, несогласованностью между ожиданиями и осознанием личных ресурсов, требуемых для достижения целей. Сотрудники демонстрируют ориентацию на активный поведенческий копинг, который, исходя из личностных особенностей, реализуется в виде различных форм агрессии и стремлении к доминированию. Выявлены признаки эмоционального выгорания, что рас-

смачивается как еще один признак конфликтной идентичности: ценности профессиональной деятельности не получают конкретной реализации на рабочем месте. Кроме того, отсутствует ориентация на использование продуктивного эмоционального копинга, что, наряду с низкой способностью к осознанию внутриличностных конфликтов, осложняет процессы их разрешения. При этом большинство сотрудников в процессе полуструктурированного интервью описывали наличие межличностных и организационных конфликтов. Низкий уровень рефлексии снижает возможности осознания собственной роли в образовании конфликтных взаимоотношений в референтом окружении.

Второй этап психодиагностики проводился в экспериментальной группе сотрудников исправительных учреждений в период после их возвращения из служебных командировок в Чеченскую республику. Эта группа включала в себя 89 человек – сотрудников исправительных колоний, размещенных на территории Новосибирска и Новосибирской области.

По результатам Опросника травматического стресса выявлено, что из общей выборки испытуемых 51,7% сотрудников имеют признаки постстрессовых состояний различной степени выраженности. Эти испытуемые включены в первую экспериментальную подгруппу. В процессе психодиагностики установлено, что в среднем 49% испытуемых данной подгруппы испытывают признаки постстрессовых состояний на уровне отдельных симптомов, 21% сотрудников данной группы проявляют частичные признаки постстрессовых нарушений, а 30% опрошенных переживают частичное ПТСР с тенденцией к развёртыванию картины выраженного нарушения.

Испытуемые без признаков посттравматических состояний составили 48,3% от общего числа опрошенных. Эти испытуемые отнесены ко второй экспериментальной подгруппе.

Данные опросника травматического стресса были дополнены результатами теста «Личностный профиль кризиса», определяющего личностный профиль переживаемой психотравмы (табл. 2). Механизмом развития травмированной идентичности является психологическая травма, в данном случае результат участия в урегулировании военного конфликта на территории Чеченской республики. Травмированная идентичность включает в себя признаки посттравматических стрессовых состояний (ПТСС) и выраженные признаки интрапсихического конфликта.

Признаками ПТСС являются первичное переживание травмы, избегание стимулов, связанных с травмой, повышенная возбудимость, тревожность, депрессия, импульсивность поведения, соматические проблемы и т. д. У сотрудников обнаружены нарушения дыхания, цикла «сон – бодрствование», осложнения функционирования памяти. Отмечены реакции гнева, стыда и вины, а также копинг-стратегии, связанные с попыткой уйти от решения проблемы. Обнаружены перемены в поведении и деятельности, выражающиеся в поглощенности переживанием и переосмыслением проблемной ситуации, сложности с исполнением домашних и служебных обязанностей.

**Средние данные по шкалам теста «Личностный профиль кризиса» в первой
и второй экспериментальных группах**

Шкалы теста	Ср. значения в группе с ПТСС	Ср. значения в группе без ПТСС	Значение U-критерия Манна-Уитни	Уровень значимости критерия
1. Нарушения функционирования вегетативной системы	7,3	6,9	916	незначимость
2. Нарушения сердечной деятельности	8,4	8,0	980	незначимость
3. Нарушения дыхания	8,8	8,0	730*	$p \leq 0,05$
4. Нарушение функционирования желудочно-кишечного тракта	6,4	6,7	1055	незначимость
5. Проблемы со сном	8,6	7,2	640**	$p \leq 0,01$
6. Осложнения функционирования внимания	6,2	5,8	972	незначимость
7. Осложнения функционирования восприятия	5,7	5,5	1130	незначимость
8. Осложнения функционирования мышления	5,4	4,9	860	незначимость
9. Осложнения функционирования памяти	6,2	5,4	729*	$p \leq 0,05$
10. Тревога	8,7	6,2	654**	$p \leq 0,01$
11. Генерализованные эмоциональные реакции	7,4	6,4	682**	$p \leq 0,01$
12. Эмоциональная тупость	6,4	5,9	940	незначимость
13. Повышенная эмоциональность, чувствительность	6,0	6,6	894	незначимость
14. Депрессивное настроение	5,7	5,9	957	незначимость
15. Попытки уйти от проблемы	6,7	5,4	620**	$p \leq 0,01$
16. Поглощенность проблемой	7,4	7,9	973	незначимость
17. Проблемы с исполнением служебных и домашних обязанностей	7,0	7,3	950	незначимость

Последний этап психодиагностического исследования проведен через два года после возвращения сотрудников из служебной командировки в зону вооруженного конфликта на территории Чечни. На данном этапе участники эксперимента разделены на три группы – первая экспериментальная в количестве 46 человек (лица, у которых были диагностированы признаки ПТСС на предыдущем этапе психодиагностики), вторая экспериментальная, в которую вошли сотрудники с экстремальным опытом, но без признаков посттравматизма, и контрольная (без опыта военных действий).

Обследование показало, что в среднем у 13% участников первой экспериментальной группы симптомы ПТСС не наблюдаются. У остальных участников группы (40 человек) выявлены следующие тенденции: 25% испытуемых первой экспериментальной группы испытывают признаки постстрессовых состояний на уровне отдельных симптомов; 30% сотрудников в данной группе проявляют частичные признаки постстрессовых нарушений; 32% опрошенных переживают частичное ПТСР с тенденцией к развёртыванию картины выраженного нарушения. Соответственно в целом по группе можно отметить утяжеление и хронизацию постстрессового состояния.

На основе результатов личностных тестов в группе респондентов с признаками ПТСС проведен факторный анализ данных, результаты которого представлены в табл. 3.

Факторный анализ показал, что воздействие экстремальных факторов внешней среды, осложненное последующим развитием признаков посттравматических стрессовых состояний, оказывает существенное влияние на структуру идентичности сотрудников исправительных учреждений. Я-идентичность приобретает кризисный характер и включает в себя психотравматический опыт, связанный с симптоматическими группами посттравматического стрессового расстройства, вызывающими высокий уровень личностной тревожности и такие генерализованные эмоциональные реакции, как страх и чувство вины. Кризисная идентичность также включает в себя систему искаженных базовых установок, проявляющихся в недоверии к окружающему миру, невозможности логичного объяснения происходящих событий и их контроля, убежденности в отсутствии справедливости происходящих событий, восприятии окружающих людей как источника опасности и недоброжелательности.

Второй ядерный компонент – личностная идентичность – также существенно изменил свои составляющие. Посттравматическая симптоматика повлияла на выраженность акцентуированных черт характера. Основу данного компонента представляют признаки педантичной, возбудимой, застревающей, тревожной и циклотимной акцентуаций. Можно предположить, что развитие получили именно данные типы акцентуаций в связи с их более выраженным характером в довоенный период. Таким образом, боевой опыт сделал уже имеющиеся черты более выраженными, заостренными.

Факторный анализ результатов личностных тестов

Название фактора, факторная нагрузка	Содержание фактора
Фактор 1. Ядерные структуры Я-идентичности (21,6%)	Шкала базовых утверждений: 1) доброта окружающего мира (-0,59); 2) доброжелательность людей (-0,74); 3) справедливость мира (-0,62); 4) контролируемость мира (-0,45). Тест Карпова «Рефлексия»: 5) ретроспективная рефлексия (-0,48). Тест «Эмоциональное выгорание»: 6) переживание психотравмы (0,57); 7) тревога и депрессия (0,61); 8) эмоционально-нравственная дезориентация (0,48). Адаптация Роджерса-Даймонда: 8) интернальность (-0,49); 9) принятие себя (-0,47). «Личностный профиль кризиса»: 10) тревога (0,84); 11) генерализованные эмоциональные реакции (0,72). ОТС: 12) событие травмы (0,81); 13) дистресс, дезадаптация (0,62); 14) «избегание» (0,49); 15) «гиперактивация».
Фактор 2. Ядерные структуры личностной идентичности (14,7%)	Шкала базовых утверждений: 1) ценность собственного Я (-0,49). Акцентуации Леонгарда-Шмишека: 2) педантичная акцентуация (0,5); 3) тревожная акцентуация (0,58); 4) застревание (0,46); 5) возбудимость (0,48). Копинг-стратегии: 6) сдерживание (0,48); 7) принятие (0,46); 8) отрицание (0,52); 9) ментальное отстранение (0,54); 10) поведенческое отстранение (0,57); 11) использование алкоголя (0,48). Тест «Эмоциональное выгорание»: 12) неудовлетворенность собой (0,47); 13) «загнанность в клетку» (0,52). «Личностный профиль кризиса»: 14) попытки уйти от проблемы (0,55); 15) поглощенность проблемой (0,49).
Фактор 3. Ядерные структуры социальной идентичности (12,4%)	Агрессия Бассса-Дарки: 1) физическая агрессия (0,49); 2) раздражение (0,62); 3) негативизм (0,59); 4) обида (0,72); 5) подозрительность (0,62); 6) вербальная агрессия (0,51). Тест «Эмоциональное выгорание»: 7) редукция профессиональных обязанностей (0,54); 5) личностная отстраненность (0,56). Адаптация Роджерса-Даймонда: 6) адаптивность (-0,47); 7) принятие других (-0,49).
Фактор 4. Околоядерный эмоциональный компонент (11,6%)	Тест «Эмоциональное выгорание»: 1) неадекватное эмоциональное реагирование (0,48); 2) эмоциональный дефицит (0,54); 3) эмоциональная отстраненность (0,49). Адаптация Роджерса-Даймонда: 4) эмоциональная комфортность (-0,47). Шкала базовых утверждений: 5) уровень самоконтроля (-0,51). СЖО: 6) локус контроля «Я» (-0,48).
Фактор 5. Околоядерный психофизиологический компонент (9,4%)	Тест «Эмоциональное выгорание»: 1) психосоматические и психовегетативные нарушения (0,47). «Личностный профиль кризиса»: 2) нарушения функционирования вегетативной системы (0,56); 3) нарушения сердечной деятельности (0,59); 4) нарушения дыхания (0,48); 5) нарушение функционирования желудочно-кишечного тракта (0,46); 6) проблемы со сном (0,45); 7) осложнения функционирования внимания (0,52); 8) осложнения функционирования восприятия (0,50); 9) осложнения функционирования мышления (0,53); 10) осложнения функционирования памяти (0,49).

У сотрудников с признаками ПТСС в структуру личностной идентичности вошли составляющие, описывающие копинг-поведение человека. Отмечается связь пассивного копинга (сдерживание, принятие, отрицание, ментальное и поведенческое отстранение) с другими компонентами личностной идентичности. Это может быть обусловлено актуализованной необходимостью защиты ядерных компонентов идентичности от травматичного вмешательства внешнего и внутреннего опыта.

Ядерные структуры социальной идентичности включают в себя компонент агрессии, которая находит выражение в физической, вербальной агрессии, раздражении, высоком уровне негативизма, обиды и подозрительности к окружающим людям. Социальная идентичность отличается низкой степенью адаптивности, что во многом связано с общим неблагополучием в социальных отношениях и профессиональной деятельности. Последний факт также находит подтверждение в редукции профессиональных обязанностей.

Околоядерный эмоциональный компонент отличается выраженной дисгармоничностью. Сотрудники с признаками посттравматизма проявляют неадекватное эмоциональное реагирование на внешние обстоятельства, во многом обусловленное низким уровнем саморегуляции. Кроме этого, эмоциональная сфера характеризуется отстраненностью, дефицитом и низким уровнем комфортности в установлении эмоциональных контактов.

Пятый компонент, значимость которого возросла именно впоследствии воздействия экстремального опыта, обозначен как околоядерный психофизиологический компонент, который проявляется в негативных функциональных состояниях и снижении познавательно-аналитической деятельности.

По результатам проведенного исследования в структуре идентичности выделены три взаимосвязанных компонента – социальная идентичность, личностная идентичность и Я-идентичность. В процессе жизнедеятельности и развития личности каждый элемент имеет свою функциональную нагрузку. Социальная идентичность предназначена для обеспечения группового членства, научения и адаптации в наиболее широком ее понимании. Личностная идентичность играет основную роль в процессах смыслообразования, самоопределения и ингрупповой дифференциации. Я-идентичность предназначена для интеграции психосоциальных элементов идентичности в единое целое, связанное в общем пространственном, временном и смысловом континууме. Данные компоненты образуют ядерные структуры идентичности. Содержательными характеристиками околоядерных компонентов являются эмоциональные реакции (эмотивный компонент), поведенческие паттерны и предпочитаемые способы регуляции стрессовых состояний (поведенческий компонент); психосоматическое функционирование и особенности психоаналитической деятельности (психофизиологический компонент).

На отдаленных этапах реадaptации под воздействием процессов переживания экстремального опыта и неблагоприятных социальных факторов,

формируется кризисная идентичность, в основе которой лежит глубокий внутриличностный кризис.

Кризисная идентичность включает в себя симптомы ПТСС, вызывающие высокий уровень личностной тревожности и генерализованные эмоциональные реакции страха и чувства вины. В ядерные структуры включена система искаженных базовых установок, проявляющихся в недоверии к окружающему миру, невозможности логичного объяснения происходящих событий и их контроля, убежденности в отсутствии справедливости происходящих событий, восприятии окружающих людей как источника опасности и недоброжелательности. Самоотношение отличается сниженной самооценкой, самообвинениями и неудовлетворенностью собственным поведением.

Кризисная идентичность характеризуется изменениями социального функционирования личности, затрагивающими межличностную, профессиональную и семейную сферу; проявляются выраженные акцентуации характера и признаки дезадаптации, включающие аутодеструктивное, агрессивное и аддиктивное поведение.

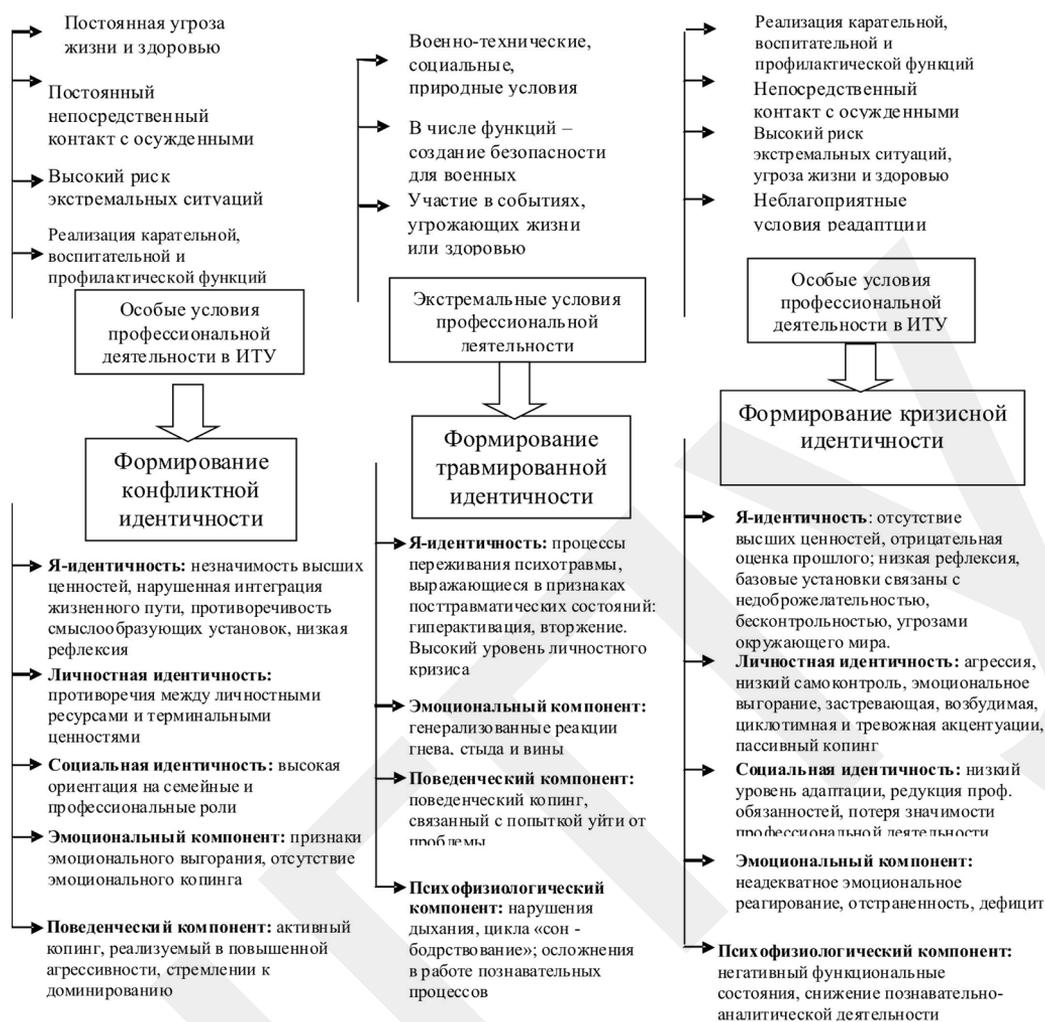
Кризисная идентичность проявляется в неадекватном эмоциональном реагировании на внешние обстоятельства, во многом обусловленном низким уровнем саморегуляции.

Трансформация идентичности сопровождается стойкими психосоматическими дисфункциями и снижением функционирования познавательной сферы.

В целом кризисная идентичность является дисгармоничной структурой с несогласованными ядерными и околядерными компонентами и нарушенной функцией интеграции.

В результате экспериментального исследования сделан вывод о существенном влиянии профессиональной деятельности в особых условиях на процессы формирования и развития структурных компонентов идентичности. Ядерные и околядерные компоненты идентичности обладают статично-динамичным характером взаимосвязей. Под влиянием изменяющихся условий внешней среды и необходимости адаптации к новым требованиям действительности структура идентичности претерпевает существенные изменения, проявляющиеся в трансформации содержания ядерных и околядерных компонентов идентичности. В связи с этим особенно остро стоит проблема профилактики деструктивных форм развития идентичности личности, что является необходимым условием сохранения профессионализма, личной и социальной компетентности, высокого уровня психического и физического здоровья персонала исправительно-трудовых учреждений.

Под влиянием особых условий деятельности содержание и значимость каждого компонента в структуре идентичности может существенно изменяться. В процессе экспериментального исследования выявлен целый ряд особенностей, характеризующих конфликтную, травмированную и кризисную идентичность (рисунок).

Этапы трансформации идентичности личности сотрудников ИТУ под воздействием особых условий профессиональной деятельности

Библиографический список

1. **Ахмедова, Х. Б.** Изменения личности при ПТСР (по данным обследования мирного населения, пережившего военные действия) [Текст]: автореф. дис.... доктора психол. наук / Х. Б. Ахмедова. – М., 2004. – 42 с.
2. **Димитров, А. В.** Основы пенитенциарной психологии [Текст]: учебное пособие / А. В. Димитров, В. П. Сафронов. – М., 2003. – 176 с.
3. **Ильина, Е. С.** Экстремальная профессия – сотрудник УИС [Текст] / Е. С. Ильина // Развитие личности. – 2002. – № 4. – С. 169–173.
4. **Киришбаум Э. И.** Психологические состояния [Текст] / Э. И. Киришбаум, А. И. Еремеева. – Владивосток, 1990. – 179 с.
5. **Короленко, Ц. П.** Идентичность в норме и патологии [Текст] / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. – Новосибирск, 2000. – 256 с.

6. **Решетников, М. М.** Психическая травма [Текст] / М. М. Решетников. – СПб, 2006.
7. **Ушатиков, А. И.** Основы пенитенциарной психологии [Текст] / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань, 2002. – 554 с.
8. **Бочанцева, Л. И.** Психологические средства нормализации затрудненного общения антисоциальной личности [Текст] / Л. И. Бочанцева // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 3. – С. 206–216.
9. **Полякова, В. В.** Формирование социально-ориентированных признаков эмпатии и временной перспективы как профилактика отклонений в поведении подростков [Текст] / В. В. Полякова // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 3. – С. 386–392.